

Ж. С. Мажитова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, Москва, 119234, Россия*

mazhitova_69@mail.ru

**СУД БИЕВ В КАЗАХСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Рассматриваются вопросы освещения суда биев российскими дореволюционными исследователями традиционного казахского общества второй половины XIX – начала XX в. Автор отмечает, что после политико-административных и правовых реформ институт биев не потерял своего значения в казахском обществе и играл роль регулятора социально-экономической жизни кочевой общины. При этом отмечается заслуга биев в урегулировании конфликтов, возникших как внутри, так и на межобщинном уровне. Суд биев, по мнению автора, при всей своей простоте и первобытности способствовал сохранению устойчивости общества путем нахождения компромисса и справедливости через нормы обычного права. Гласность, открытость и публичность судебного процесса, авторитет и уважение к биям со стороны кочевников гарантировали ему жизнестойкость, невзирая на изменившиеся политико-правовые условия, возникшие в результате вхождения казахского общества в состав Российской империи.

Ключевые слова: казахи, кочевая община, дореволюционная историография, суд биев, судебный процесс.

На территории казахских степей издревле судебная власть сосредотачивалась в руках биев – родовых старейшин, которые выполняли в традиционном обществе разнообразные функции, в том числе и правовые. Проведение административно-правовых реформ, предпринятых российским правительством в начале – середине XIX в. на территории казахских жузов, привело к коренной ломке и трансформации традиционного общества. Появились новые административные единицы, была упразднена власть ханов и султанов, значительно урезаны судебные полномочия биев. Последовали и иные меры российского правительства. Однако нужно отметить, что политико-правовые нововведения с большим трудом меняли традиционное общество казахов, цепко державшееся за свой старинный уклад. Одним из долго сохранявшихся обычаев был суд биев.

В связи с этим важно показать, как он оценивался исследователями второй половины XIX – начала XX в., часть из которых являлась русскими администраторами. Соответственно, цель настоящей работы – характеристика на базе этих материалов суда биев с точки зрения его роли в поддержании устойчивости традиционного казахского общества.

Интерес к данному институту обычного права и его руководителям – биям, возникший со стороны царского правительства в XVIII в., проявлялся и во второй половине XIX в., поскольку они продолжали оставаться выразителями интересов родовой общины. Многие российские исследователи, изучая нормы обычного (неписаного) права и их применение в судебной практике, пытались понять, на чем основан авторитет биев-судей, для того чтобы использовать

Мажитова Ж. С. Суд биев в казахском традиционном обществе (по материалам дореволюционной российской историографии второй половины XIX – начала XX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 5: Археология и этнография. С. 97–103.

это для привлечения биев к служебной деятельности. Так, например, Ф. Лазаревский, несколько лет служивший в Оренбургской пограничной комиссии¹, понимая значение биев в казахской степи, отмечал, что «от управления бия... можно ожидать... порядка, спокойствия и народного благосостояния»².

Во второй половине XIX в. интерес к казахскому судопроизводству не ослабевал. Появился ряд газетных публикаций, в которых отмечалось, что проводимые административно-политические реформы если и меняли в корне судебную структуру в степи, то сам судебный процесс в судах первой инстанции (народном суде биев) не претерпел существенных изменений. По-прежнему в далеких казахских аулах простые кочевники обращались к биям, которые все иски рассматривали на основании народных обычаев. На суд биев собирались тяжущиеся (как истцы, так и ответчики), а также все желающие послушать судебные дебаты и узнать последние новости в степи.

Для решения спора истцу и ответчику предлагалось выбрать по одному бию, преимущественно из своей волости (иногда выбор падал на бия из иной волости, но он должен был принадлежать к роду истца или роду ответчика). В более важных случаях каждая сторона выбирала по два-три и более биев; при разбирательстве особенно сложных дел, число их могло доходить до двенадцати. В случае разногласий между биями ответчика и истца, которых всегда выбиралось равное число, для управления съездом избирался сообща или назначался представителем царской администрации посредник-бий (из других родов), голос которого решал дело окончательно путем присоединения его к той или другой стороне [Народный суд..., 1870. С. 2–3].

Для рассмотрения поступившей жалобы бии каждой стороне предоставляли право высказывать свои претензии, затем право подкрепления или опровержения получали свидетели сторон. Новшеством данного процесса можно отметить рассмотрение предъявляе-

мых документов. Учитывая, что казахское общество характеризовалось в целом как бесписьменное, появление различного рода справок, документов, записок и т. д. можно считать нововведением XIX в. в местном судопроизводстве.

Переводчик и этнограф И. И. Ибрагимов отмечал, что при поступлении иска бии внимательно выслушивали сначала одну сторону – истца, потом сторону ответчика. При этом для уяснения обстоятельств дела, как себе, так и слушающей публике, бии нередко «задают той или другой стороне вопросы, приводят примеры, ловят на слове изворотливого киргиза (казаха. – Ж. М.), и таким образом, стараясь вызвать общее одобрение со стороны публики... употребляя для обнаружения истины такие приемы, которые принято относить к обязанностям адвоката, а не судьи» [2006. С. 304].

Обе стороны, как правило, оставались довольны решениями своих судей, но в случае неудовлетворенности принятым решением или для повышения объективности процесса всегда можно было произвести замену состава биев, пригласить нескольких биев из других волостей, доведя их число до двенадцати [Народный суд..., 1870. С. 2–3].

Тот факт, что суд по древним обычаям отвечал потребностям казахского общества, отмечал русский генерал и ученый-востоковед Л. Ф. Костенко: «Народ во всяком случае доволен им и предпочитает суд по своим древним обычаям нашей уголовной или гражданской судебной практике, решительно недоступной его понятиям» [1880. С. 350]. Зачастую казахи умышленно скрывали от российских властей некоторые виды преступлений (особенно относящиеся к уголовным) в расчете на то, что можно обратиться с иском к биям, которые рассудят дело по нормам обычного права.

Ошибиться при проведении следствия бий не мог, отмечал исследователь обычного права казахов П. Е. Маковецкий. Открытая степь, общество служили непреодолимым препятствием для сокрытия следов преступления так, что малейшее нарушение общественного порядка становилось достоянием всей общественности. «При киргизской (казахской. – Ж. М.) общественности, при постоянных посещениях и разъездах из аула в аул, в степи весьма быстро обнаруживается всякая находка, всякая новая вещь, появившаяся у того или другого. Одинаково быст-

¹ Оренбургская пограничная комиссия, образованная в 1796 г. – административно-судебный орган, проводивший колониальную политику в казахских жузах.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 7.

ро расходится и известие о потерпевшем, а потому скрыть находку очень трудно и почти всегда потерянная вещь возвращается в руки своего хозяина, что и выражается у киргизов в следующей пословице: «Тапкан сүйіншіні, таныған алады» – «Нашедший радуется, опознавший возьмет» [1882. С. 43].

Открытый характер общества кочевников служил препятствием не только для сокрытия преступления, но и для вероятности лжесвидетельства. В делах особой важности бий предоставлял возможность не менее чем трем свидетелям, сородичам каждой из сторон поручиться в правдивости слов кровника. Но если показания свидетеля были заведомо ложны и его целью являлось желание обелить своего родственника в глазах общины, то такой проступок рано или поздно становился известным всему обществу. «Трудно что-либо скрыть в степи от внимания ее жителей, и потому киргиз (казах. – Ж. М.), ложно поручившийся в невинности обвиняемого сородича, рано или поздно будет уличен, а также лжесвидетель, по народному обычаю, лишается покровительства общества, – более того, добавляет автор, – его имущество может быть разграблено и сам он убит безнаказанно... Никто не решится на лжесвидетельство» [Ибрагимов, 2006. С. 303].

При разрешении судебных споров бии применяли различные эксперименты, исследования, требовавшие особых знаний, которые в процессуальном законодательстве относятся к области криминалистики, судебной экспертизы и т. п. Например, в легенде, которую приводит говоривший на казахском языке знаток истории и этнографии казахов И. И. Крафт, рассказывается о целом ряде процессуальных действий бия-судьи.

Так, к одному бию, славившемуся своей мудростью и справедливостью, за решением спора обратились двое мужчин, один из которых был мулла, и женщина. Спор был о женщине. И тот и другой мужчина доказывали ее принадлежность себе. Затем к бию пришли мясник и покупатель, которые в ходе купли-продажи не поделили червонец. Последними в тот день к бию обратились двое мужчин, одним из которых был бий. Спор возник по поводу принадлежности лошади, так как каждый из них считал ее своей. Всем тяжущимся мудрый бий назна-

чил для разрешения возникших разногласий завтрашний день.

На следующий день бий объявил свои решения. Женщина является женою муллы, так как она очень тщательно и аккуратно вычистила предложенную бием чернильницу, отчего бий сделал вывод, что она умела обращаться с письменными принадлежностями; другой же претендент был неграмотным. Червонец судья отдал мяснику, так как, когда монету опустили в горячую воду, на поверхность воды всплыли жирные пятна. Особую трудность вызвал спор третьей группы. Но и его бий успешно решил. Предложив участникам спора пройти несколько раз мимо лошади и опознать ее, он увидел, что при приближении к ней участвующего в тяжбе бия лошадь «узнала своего хозяина и ласково взглянула» [Крафт, 1900. С. 82]. Из этого был сделан вывод, что лошадь принадлежит именно бию.

Приведенная легенда говорит о том, что при разрешении споров бием производились процессуальные действия: замужество женщины было определено с помощью судебного эксперимента (чистка письменных принадлежностей); принадлежность червонца – по данным судебной экспертизы (выявлено наличие солевых наслоений на его поверхности); хозяин лошади был определен в результате такого судебного действия, как опознание (первоначально каждый из споривших должен был опознать лошадь, стоявшую в одном ряду с другими такой же масти лошадьми; решение было принято по поведению животного).

Известный краевед, исследователь Оренбургского края А. И. Добросмыслов, исследовавший, в том числе, судебную систему в Тургайской области, оставил интересные сведения о суде биев, который в начале XX в. представлял собой лишь остатки былой судебной системы казахского народа. Для того чтобы рассмотреть эволюцию судебной системы, А. И. Добросмыслов показал историю суда биев начиная с ханской эпохи, когда казахи имели право обращаться за разбором дела не только к правителю или старейшине своего аула, но и к самому хану. Особенностью судебной системы по казахскому неписанному праву, отмечает краевед, являлось то, что иск мог быть подан только потерпевшей стороной и только в этом случае бии имели право рассмотрения его в суде. Не всякое случившееся происшествие

в глазах кочевника является преступлением, общественным злом, а только лишь то, на которое поступила жалоба со стороны потерпевшего: «...судебное дело может начаться только потерпевшим и не может быть наказуемо, если нет потерпевшего или он помирился с преступником» [1904. С. 76]. Таким образом, сами бии не являлись инициаторами судебного расследования.

Стороны для решения возникшего спора выбирали по своему желанию бия и в знак полного доверия к решению судьи бросали перед ним *камшы* (плети). «Обыкновенно истец и ответчик, если сами приходили к соглашению о необходимости суда или были понуждаемы к тому родственниками, избирали то или иное лицо судьей, являлись к нему и бросали перед ним камшу... и это признавалось обязательством подчиниться решению» [Там же. С. 24]. Бросание плетей перед судом означало своего рода акт признания любого наказания, которое может следовать за приговором. Но если не соблюдались формальные процедуры судебного процесса, как-то: публичность, гласность, открытость или судья, по мнению одной из сторон, был предвзят, то все это в совокупности давало повод тяжущимся обратиться к другому судье для пересмотра дела.

Отношения, господствовавшие в традиционном обществе, диктовали законы и правила, следование которым считалось обязательным для каждого общинника. Обеспечение явки ответчика и истца на суд биев было делом всей общины, так как именно в суде происходила защита чести и достоинства отделения, подрода, рода, в целом, всего племени. Бии для сбора доказательной базы привлекали к суду свидетелей, которых должно быть «не менее двух и иногда трех». Если же таковых ни ответчик, ни истец предоставить для своей защиты не могли, то бии прибегали к присяге, дать которую не могли ни истец, ни ответчик: «...за них должны присягать люди, известные своею честностью» [Там же. С. 6].

В досудебном расследовании, если сторона ответчика уклонялась от явки в суд для разбирательства дела, то истец с позволения старейшины, бия имел право произвести своего рода самосуд – *барымты* (угон скота), размер которой должен быть обязательно соразмерен предъявленному иску. Для легализации барымты и признания ее закон-

ной по обычному праву необходимо было выполнение нескольких правил, соблюдение которых делало этот поступок не преступлением в глазах общинников, а актом самозащиты, позволявшим в зависимости от целей добиться желаемого. Во-первых, как отмечалось выше, барымта должна быть произведена с согласия родоправителя; во-вторых, в угоне должны принимать участие родственники потерпевшего, тем самым выражающие солидарность требованиям своего кровника; в-третьих, после совершения угона скота, на обратном пути следования барымтачи должны ставить в известность о своем поступке встречающиеся им аулы (своего рода получение одобрения со стороны членов общества), тем самым легитимируя собственные действия; в-четвертых, возвратившись домой, истец «должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску» [Там же. С. 7].

Соблюдение вышеназванных действий позволяло потерпевшим законным образом избегать наказания за отгон скота в суде биев и добиваться рассмотрения иска в судебном порядке.

Такие же сведения о суде биев мы находим у российского публициста, востоковеда и юриста Я. И. Гурлянда. Работы Я. И. Гурлянда и А. И. Добросмыслова были написаны практически одновременно, поэтому приведенные в них данные взаимосвязаны и дополняют друг друга. Я. Гурлянд обращал внимание читателей на родовую зависимость членов общины, а также барымту как институт, который наносил вред Российской империи. Изучив эволюцию степного законодательства с древнейших времен до конца XVII в., он сравнил обычное право монголов с правом других кочевых народов и нашел много схожих черт, объединяющих кочевников степного пояса Евразии. Говоря о роли биев при разрешении конфликтов, ученый особо отметил такие институты традиционного общества, как круговая порука, родовая ответственность и родовая зависимость («*genti adscriptio*») [Гурлянд, 1904. С. 60]. Механизм родовых институтов распространялся не только на рядового члена общины, но и на его семейство, род в целом, причем в регулировании этого механизма бии играли далеко не последнюю роль. От их решения зависела «солидарность, и отсутствие раздоров и отпадения членов сою-

за были главными условиями для существования» [Гурлянд, 1904. С. 60–61].

О том, что бии обеспечивали устойчивость казахского общества, писал и секретарь суда, активный участник деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии Л. А. Словохотов. «Разбирать ссоры и проносить приговор над виновным, по законам хана Тявки (хана Тауке. – Ж. М.), должны были правители тех аулов, к которым принадлежали истец и ответчик. Таков был нормальный порядок, но он не исключал возможности для тяжущихся, по желанию, обращаться к уважаемым старейшинам и другого аула» [1905. С. 45].

Не всегда тяжущиеся стороны могли внятно и толково объяснить свои доводы или оправдания. В таких случаях они прибегали к помощи посредников, скорее всего своих сородичей, которым вменялось в обязанность от лица кровника изложить суду суть вопроса.

Суд производился скоро, без письменной волокиты. Его основные принципы строились на личном опыте и авторитете судьи, которому обе стороны доверяли всецело. Дела особой важности, среди них: «Споры, в которых были заинтересованы разные роды, богохульство, убийство султана» [Там же. С. 46], разбирались при большом стечении народа с участием самого хана в дни поминок умерших и многолюдных народных празднеств.

Такое, по мнению Л. А. Словохотова, достаточно «простое» правосудие было не безукоризненно, оно имело свои недостатки, особенно заметные человеку, привыкшему к письменным кодифицированным законам, где нормы четко обозначены, и их интерпретация в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств, желания сторон и уровня судьи, отсутствует. Но ученого поражала безграничная вера казахов в своих биев, так как «доказанная практикой умелость разобраться в тяжёбных вопросах, дающая возможность подтвердить свой приговор престижем родственной силы; преклонность возраста, естественным образом внушающая почет и уважение особенно там, где не умеют еще отдавать должного качествам ума и сердца, – вот те базисы, на которых держалась глубокая вера в непогрешимую святость приговора народного судьи-бии. По всем том ответчик мог устра-

нить почему либо нежелательного для него судью» [Там же. С. 47].

Л. А. Словохотов также отмечал наличие института круговой поруки. Так, «если виновный (ответчик) к судоговорению не явится или присужденного заплатить не в состоянии, то вознаграждение потерпевшему уплачивается родственниками или одноаульцами вышеуказанного ответчика. Последним, судебным приговором, предоставляется право взыскать уплаченное с виновного преступления» [Там же].

Российская административно-политическая система, вторгаясь в принципы организации кочевого общества, неизменно подвергала их разрушению. Особенно это касалось суда биев. Желая подчинить его интересам Российского государства, царская власть вводила регламентирующие нормы, которые в конечном счете настолько парализовали основы традиционного суда биев, что можно говорить о его исчезновении в классическом виде к началу XX в. Однако главные принципы функционирования, возможности и традиционный авторитет такого суда в казахском обществе были достаточно полно зафиксированы дореволюционными исследователями казахского общества. Исходя из этих материалов можно утверждать, что «старые» бии являлись для простых кочевников гарантом справедливости и мудрости, а их судебная практика способствовала сохранению целостности кочевой общины.

Список литературы

Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 115 с.

Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 105 с.

Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде (1878 г.) // Древний мир права. Материалы, документы и исследования. Алматы: Жеті Жарғы, 2006. Т. 5. 424 с.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. СПб.: Тип. и хромолит. А. Т. Траншеля, 1880. Т. 1. С. 350–488.

Крафт И. И. Из киргизской старины (султаны, тарханы и би). Оренбург, 1900. 305 с.

Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргиз // Семипалатинский областной статистический комитет. Имущественное право. Омск, 1882. 82 с.

Народный суд в Туркестанском крае // Правительственный вестник. 1870. № 277. С. 2–3.

Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Тургайская обл. типо-лит., 1905. Вып. 15. 162 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 7.

Материал поступил в редколлегию 26.05.2014

Zh. S. Mazhitova

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory Str., Moscow, 119234, Russian Federation*

mazhitova_69@mail.ru

BIYS COURT IN THE KAZAKH TRADITIONAL SOCIETY (BASED ON THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY)

Purpose. The article reviews the coverage of traditional Kazakh society in the works of pre-revolutionary Russian researchers in the second half of XIX – early XX century.

Results. The Russian literature and archives funds of Russia are the basic written sources about biy courts of XIX and the beginnings of XX centuries. Separate publications about legal culture of Kazakhs have begun published in Russia only in XIX century. The imperial government in Kazakhstan came to gradual understanding about significant and even about special roles of biy justice in the past and partly in XIX century in all systems of the Kazakh society. The authors note that after the political-administrative and legal reforms, enforced by Russian government, the institute of biys did not lose its significance in the Kazakh society and served a regulatory purpose in the social-economic life of nomadic community. The researchers state that political-judicial reforms hardly changed traditional Kazakh society since it deeply relied on its old-line pace. One of the long-living national customs was the court of biys. Many Russian researchers (F. Lazarevskiy, L. F. Kostenko, P. Y. Makovetskiy and others) of common (unwritten) law standards and their use in the biys' court practice (including lawsuits) tried to interpret the authority and respect for biys-judges among nomads and use this knowledge in order to introduce the biys to public service on behalf of Russia. All of the authors, who were researching the traditional Kazakh society, agree that biys had impact on the resolution of both internal and intercommunal conflicts among Kazakhs. The researchers also noticed that solving cases, the biys were conducting different specific experiments, investigations, which subsequently transformed into specific forensic knowledge as a part of the procedural law. According to the scientists, one of the key elements of Kazakh imprescriptible law was the fact, that biys never commenced the claims and considered only the cases initiated by the complainant side. Moreover, the biys were not responsible for the court attendance of the complainant and defendant sides. The nomadic commune dealt with such issues. Prevailing tribal-patriarchal relations of the traditional society dictated their own laws and rules to be compulsorily obeyed by every member of the commune. Honor and dignity protection of the tribesman was a communal responsibility, since honor and dignity protection of the branch, sub-clans, clans and the tribe itself was maintained at the court.

Conclusion. The court of biys, according to the authors, with all its simplicity and prominence helped to preserve stability in the society by finding a compromise and justice through the customary law. Openness, transparency and publicity of the court, respect for the authority of the biys

among nomads established resilience, despite the changes in political and legal conditions arising from the occurrence of Kazakh society in the Russian Empire.

Keywords: Kazakh society, nomadic commune, pre-revolutionary historiography, the court of biys, judicial process.

References

Gurlyand Ya. I. *Stepnoe zakonodatel'stvo s drevneishikh vremen po 17-oe stoletie* [The legal system in steppe from the earliest times to the 17-th century]. Kazan', Tipol. Imp. Un-ta Publ., 1904, 115 p. (in Russ.)

Dobromyslov A. I. *Sud u kirgiz Turgaiskoi oblasti* [The court of Kirghiz of Turgay region]. Kazan', Tipol. Imp. Un-ta Publ., 1904, 105 p. (in Russ.)

Ibragimov I. I. Zametki o kirgizskom sude (1878 g.) [Notes on Kirghiz court (1878)]. *Drevnii mir prava. Materialy, dokumenty i issledovaniya* [The ancient world of law. Materials, documents and research], Almaty, Zheti Zhargy Publ., 2006, vol. 5, 424 p. (in Russ.)

Kostenko L. F. Turkestanskii krai. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga [Turkestan Krai. Military-statistic review experience of Turkestan military district]. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii* [Materials for geography and statistics Russia], St.-Petersburg, Tip. i hromolit. A. T. Transhelya Publ., 1880, vol. 1, p. 350–488. (in Russ.)

Kraft I. I. *Iz kirgizskoi stariny (Sultany, tarhany i bii)* [In the olden times of Kirghiz: (sultans, tarkhans and biys)]. Orenburg, 1900, 305 p. (in Russ.)

Makovetskii P. E. Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh obychaev kirgiz [Research materials on the legal customs of Kirghiz]. *Semipalatinskii oblastnoi statisticheskii komitet. Imushchestvennoe pravo* [Semipalatinsk Regional Committee statistic. Property law], Omsk, 1882, 82 p. (in Russ.)

Narodnyi sud v Turkestanskom krae [The people's court in Turkestan Krai]. *Pravitel'stvennyi vestnik* [Official bulletin], 1870, no. 277, p. 2–3. (in Russ.)

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1291, op. 81, d. 222, L. 7.

Slovokhotov L. A. Narodnyi sud obychnogo prava kirgiz [The people's court based on Kirghiz' common law]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg scientific committee], Orenburg, Turg. obl. tipolit., 1905, vol. 15, 162 p. (in Russ.)